Михаил Киселев

Юрген Хабермас и российское «осьмнадцатое столетие»

В 2022 году Юрген Хабермас, вспоминая свою книгу «Структурная трансформация публичной сферы», отмечал, что для него она была «подготовительной социально-исторической работой». После нее философ писал больше о современности, нежели о прошлом. Тем не менее он был вынужден констатировать спустя шестьдесят лет после ее выхода, что «с точки зрения продаж эта книга, хотя и была первой, до сих пор остается самой успешной из всех моих книг» и что она «дала новый импульс более широким историческим исследованиям»[1]. И, например, в англоязычной историографии применимость концепции «публичной сферы» Хабермаса к истории России XVII–XVIII веков стала активно обсуждаться с 1985 года в монографиях таких видных историков, как Г. Маркер, Д. Смит, В. Кивельсон, К. Виценрат, Э. Виртшафтер и Н. Коллманн[2].

Если обратиться к отечественным специалистам, занимающимся XVII–XVIII веками, то придется констатировать, что и данная книга, и вообще хабермасовская концепция публичной сферы долгое время не вызывала значимого интереса. Например, в 2015 году А.И. Куприянов со ссылкой на английский *перевод* в статье, посвященной возникшему в 1783 году Российскому благородному собранию, написал: «Основателем изучения проблематики публичной сферы является философ Юрген Хабермас. *После 1989 г., когда была издана его монография* (курсив мой. — *М.К.*) по данному вопросу, важное место в процессе перехода от традиционного к современному обществу стали отводить формированию публичной сферы»[3]. Эта цитата нужна не для уязвления коллеги за то, что он спутал публикацию английского перевода 1989 года с первым изданием 1962 года. Она нужна, чтобы показать «неизбитость» ссылок на эту книгу Хабермаса на момент 2010-х годов в российской исторической науке, когда уже была проделана большая работа по рецепции малодоступных (до 1991 года) западных концепций и идей.

Возможно, здесь свою роль сыграл относительно поздний перевод «Структурной трансформации публичной сферы»: он увидел свет лишь в 2016 году и оказался далек от совершенства. На наш взгляд, причины этого более глубоки. Здесь я позволю себе упомянуть современника Хабермаса, *также марксистского* ученого — английского историка Э.П. Томпсона (1924–1993). Его классический труд «The Making of the English Working Class» (1963) до сих пор не переведен на русский язык, да и ссылки на него чрезвычайно редки. Едва ли

1 *Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и деливеративная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 22–23.

2 См.: Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX века / Под ред. Д. Тимофеева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. С. 27–35.

3 *Куприянов А.И.* Российское благородное собрание и модернизация публичной жизни в дореформенной России // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 36.

это связано с незначительностью этого труда — он оказал большое влияние на разные направления европейской исторической науки. Скорее, здесь сказалась постсоветская интеллектуальная атмосфера, замешанная на отказе от навязываемого в советское время марксизма. Набившие к 1991 году оскомину категории классового анализа и споры об особенностях генезиса капитализма в России вызывали отторжение, и такому состоянию умов больше подходили другие немецкие классики, стоявшие на правых позициях и рассуждавшие, прежде всего, о государстве, — М. Вебер или даже К. Шмитт. По-своему симптоматичной стала и популярность в России истории понятий, в изводе ли шмиттовского ученика Р. Козеллека или же в «кембриджском» варианте, один из основателей которого Кв. Скиннер показательно был приглашен прочитать лекцию берлинским Обществом Карла Шмитта в 2016 году. В целом же в исторических исследованиях, посвященных «осьмнадцатому столетию», с 1991 года главным героем становится государство в разных обличиях и проявлениях (см. фундаментальные работы Е.В. Анисимова, М.В. Бабич, А.Б. Каменского, И.В. Курукина, А.Н. Медушевского, О.А. Омельченко, Н.Н. Петрухинцева, Л.Ф. Писарьковой, Д.А. Редина, Д.О. Серова, И.И. Федюкина и целого ряда других историков, включая и автора этих строк).

Схожие сдвиги произошли и в изучении российской литературы XVIII века, где в советское время центральное положение занимали Н.И. Новиков и А.Н. Радищев. Отойдя от фактически обязательного до 1991 года пафоса борьбы с самодержавием, их литературную и издательскую деятельность вполне можно было бы рассмотреть в рамках концепции формирования публичной сферы, только вот точкой притяжения в постсоветское время для исследователей стало то, что Хабермас называл репрезентативной публичностью (см. книги Н.Ю. Алексеевой, В.М. Живова, А.Л. Зорина, А.Д. Ивинского, К.А. Осповата, В.Ю. Проскуриной), где возмутителям спокойствия не было места.

Итак, в ситуации, когда внимание исследователей оказалось приковано к монархии и ее певцам, книга Хабермаса с ее рассуждениями о развитии капитализма, буржуазии и связанном с ней возникновении автономной от государства сферы, где происходит обмен критическими аргументами, пришлась не ко двору. Конечно, можно найти и исключения. Это, прежде всего, работы В.Л. Каплуна, который уже в статье 2008 года рассуждал о рождении публичной сферы в России XVIII века[4]. Впрочем, это то самое исключение, подтверждающее правило: Каплун, если говорить о его академической принадлежности, — прежде всего, политический философ, пусть и замечательно работающий с историческим материалом.

Однако постсоветское состояние, если исходить из оптимистической точки зрения, все же постепенно уходит, а возникающее вместо него современное российское начинает работать в собственной логике. Кроме того, само восприятие хабермасовской концепции публичной сферы также изменилось: в ней тяжесть явно переходит от классовых основ публичной сферы к процедуре делиберации и свободе обмена критическими аргументами рационально мыслящими авторами. Как результат, складываются благоприятные условия для

4 *Каплун В.Л.* Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия / Под общ. ред. А.Ю. Сунгурова. М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008.

полноценного освоения отечественными историками как самого классического сочинения Хабермаса, так и уже связанной с ним солидной западной историографической традиции. Одним из примеров применения хабермасовской концепции публичной сферы стала представленная в 2017 году К.Д. Бугровым докторская диссертация о становлении российского республиканизма в XVIII веке[5], а также подготовленный Т.В. Вайзер, Т.М. Атнашевым и М.Б. Велижевым сборник «Несовершенная публичная сфера»[6], размышляя над которым Е.В. Акельев поставил вопрос о существовании в России конца XVII века публичной сферы (примечательно, что это произошло на страницах французского журнала)[7].

В 2026 году историк литературы К.А. Осповат[8] в своей монографии об интеллектуальной истории восстания 1773–1775 годов под предводительством Е.И. Пугачева поставил под сомнение господствующее в современной историографии понимание Просвещения в России времен царствования Екатерины II. Такое понимание подразумевает «или правительственные проекты административных и образовательных реформ, или взаимоотношения русского двора с наемными экспертами, шпионами и пропагандистами из числа европейских интеллектуалов». Отказываясь следовать хрестоматийной пушкинской формуле про бессмысленный и беспощадный русский бунт, исследователь рассуждает о плебейской публичной сфере «кабацких речей, слухов и толков, которую напрасно стремились подавить высочайшие указы»[9].

Таким образом, можно сказать, как бы это ни банально звучало, что если в западной историографии использование предложенной Хабермасом концепции «буржуазной публичной сферы» принесло плоды, которые уже сами по себе нуждаются в отдельном осмыслении, то для российской исторической науки эта концепция с учетом имеющихся опытов ее применения вполне сохраняет методологическую перспективность, а сама книга «Структурная трансформация публичной сферы» продолжает оставаться актуальным сочинением, нуждающимся в дополнительном осмыслении с учетом особенностей российского материала.

---

5 *Бугров К.Д.* Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. Дисс. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 51–52.

6 Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России / Под ред. Т. Атнашева, Т. Вайзер, М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

7 *Акельев Е.В.* Режимы публичности и верховная власть в Московском царстве и Российской империи // Cahiers du Monde Russe. 2021. Vol. 62. № 4. P. 813.

8 См. его основательную книгу, посвященную феномену придворной словесности в России XVIII века: *Осповат К.А.* Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

9 *Осповат К.А.* Пугачевщина: Политическая семиотика бунта в эпоху Просвещения (Опыт демократической историографии). М.: ОГИ, 2026. С. 313, 198.